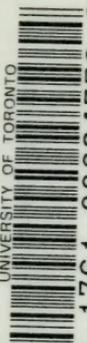


UNIVERSITY OF TORONTO



3 1761 00324779 8

PG
3470
T4P6
1906a

78 II
ОБЪЕДИТЕЛЬ
ФЕДОРЪ СОЛОГУБЪ

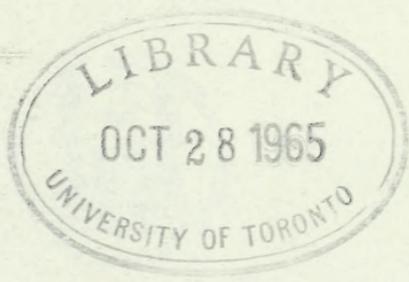
ПОЛИТИЧЕСКІЯ
СКАЗОЧКИ



ИЗДА ВО
ШИПОВНИКЪ

1 9 0 6

PG
3470
T4 P6
1906a



1017732

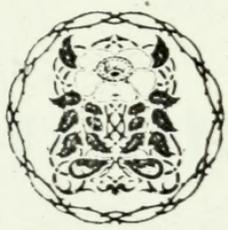
V 14

Терениковъ, Федоръ Куз'мичъ

=== ВЕДОРЪ СОЛОГУБЪ ===

ПОЛИТИЧЕСКІЯ СКАЗОЧКИ

Političeskija skazochki



ИЗД. „ШИПОВНИКЪ“ СПБ.
1906.

* QDR

ИЯЪОСАУО ВІАЭЪИЛИРОИ

2

Топографія Монтана. Ковваз. рт. 1. № 3-5.

531468

Д В Ъ М Е Ж И I.

Пришла межа къ межѣ, спрашиваетъ:

— Каково тебѣ, межа, жить?

Отвѣчаетъ межѣ межа:

— Охъ, топчуть меня, межу, мужики, топчуть меня, межу, бабы, топчуть меня, межу, ребятишки малыя. А я, межа, тоненькая да худенькая, а я, межа, здоровьемъ больно хлипкая: недужится мнѣ, межѣ, нездоровится. Ты, межа, каково живешь?

Отвѣчаетъ межа межѣ:

— Охъ, и мнѣ, межѣ, жить по такому же, — и я, межа, отъ чужихъ-то ногъ захирѣла, занедужилась. Лучше бы на насъ, на межахъ, рожь повыросла.

Говоритъ межѣ межа:

— Пойдемъ, межа, къ проселку жаловаться.

Воздохнула межа, отвѣчаетъ межѣ:

— Проселокъ маленькій челоуѣкъ, онъ намъ не поможетъ, — его никто не послушаетъ.

Говоритъ межѣ межа:

— Такъ пойдемъ, межа, къ большой дорогѣ жаловаться.

Воздохнула межа, отвѣчаетъ межѣ:

— Большая дорога — разбойница: она и можетъ, да не поможетъ. Видно, межа, надо намъ еще терпѣть.

Разошлись межи по своимъ мѣстамъ.

РАКЪ ПЯТИТСЯ НАЗАДЪ.

Говорятъ, что ракъ пятится назадъ: но это — напраслина: раки ходятъ, какъ и всѣ добрые люди, въ ту сторону, куда глаза глядятъ.

Вышелъ ракъ изъ рѣки, пошелъ осматривать окрестности. Встрѣтили рака братишка и сестренка.

— Смотри-ка, — говоритъ братишка, — ракъ пятится.

Обрадовались. Говоритъ сестренка:

Хорошо бы его поймать.

— Онъ, ракъ-то, большой дуракъ, — говоритъ братишка, — назадъ пятится, сзади себя не видитъ. Мы ему мою шапку поставимъ, онъ въ нее самъ вползетъ, а мы его унесемъ, спекемъ рака.

— Только ты тише, — говоритъ сестренка, — а то онъ услышитъ.

Съели на коротычки, четырьмя руками братишкину шапку распялили, ядутъ, когда ракъ въ шапку прийдется. А только ракъ, не будь глупъ, шапку увидѣлъ, да въ сторону и свернулъ. Братишка и сестренка въ ту сторону перебѣжали, опять шапку на рачій цуль наставили. — Ракъ опять увидѣнулъ. Мыкались, мыкались братишка и сестренка, видятъ, не поймать въ шапку рака. Стали, ртишки разинули, на рака дивятся, сами разсуждаютъ.

— Какъ же онъ сзади себя видитъ? — спрашиваетъ сестренка.

Говорить ей братишка:

— Значить, у него сзади глаза.

— Да вѣдь глаза-то на головѣ, говорить сестренка.

— Ну,—говорить братишка, — значить, у него и голова сзади.

Ударились со всѣхъ ногъ домоу. Всѣмъ, ботьшимъ и малымъ, рассказываютъ:

— А что мы видѣли-то сейчасъ! какъ ракъ питится! И ужъ чудной же онъ. Тотъ ракъ-то! Хвостъ-то у него спереди, а голова съ глазами сзади, — только передъ съ хвостомъ у него сзади, а задъ съ головою спереди.



ТРИ ПЛЕВКА.

Шель человекъ и плюнуть трижды.

Онъ ушелъ, плевки остались.

И сказалъ одинъ плевкокъ:

— Мы здѣсь, а человекъ нѣтъ.

И другой сказалъ:

— Онъ ушелъ.

И третій:

— Онъ только затѣмъ и приходилъ, чтобы насъ посадить здѣсь. Мы—цѣль жизни человекъ. Онъ ушелъ, а мы остались.



ЗАСТРАХОВАННЫЙ ГРИБЪ.

Одинъ грибъ застраховался. Съѣздивъ въ столичный городъ, заплатилъ, сколько потребовалось, на все лѣто застраховался, и вернулся въ свой лѣсъ. На шляпку ему дощечку малую гвоздиками приколотили, а на дощечкѣ надпись очень явственно обозначаетъ: Страхое Общество Россія. Стоитъ грибъ и кичится. Отъ всѣхъ грибовъ ему большое почтеніе.

Пришли въ тотъ лѣсъ коровы. Траву ѣдятъ, грибами лакомятся, сами кутасами побрякиваютъ да хвостами помахиваютъ, оводовъ отганиваютъ. Очень хорошо себя чувствуютъ. Какъ генералы на дачѣ. А какъ подойдутъ къ застрахованному грибу, такъ сейчасъ у нихъ на душѣ беспокойно становится, и онѣ поскорѣе назадъ.

Его, — говорятъ, — нельзя ѣсть. Онъ, — говорятъ, — застрахованъ. Отъ него, — говорятъ, — надо подальше, а то еще невзначай ногой на него наступишь, бѣды не оберешься.

Но вотъ подошла одна корова, хочется ей этотъ грибъ съѣсть. Стоитъ и думаетъ:

— А что мнѣ будетъ, если я его стрескаю?

Спрашиваетъ другихъ коровъ:

— А гдѣ тутъ грибъ стоитъ застрахованный?

Такой видъ изъ себя дѣлаетъ, будто бы сама не видитъ.

Показали.

— А какая,—спрашиваетъ,— на немъ страховка?

— А вотъ,—говорятъ,— дощечка малая. Штука она ма-
ленькая, а сила въ ней большая.

Подумала корова, языкомъ дощечку малую лизнула, ро-
гомъ подпихнула. — свалилась тутъ дощечка малая на гни-
лой пень.

— Ну,—говоритъ корова, — теперь страховка на гнилой
пень перешла. Нельзя теперь гнилой пень трогать, — онъ
заштрахованный.

А другія коровы ей мычать въ отвѣтъ съ большимъ не-
удовольствіемъ:

— На что намъ гнилой пень? Намъ, —мычать,—гнилого
пня не надо. намъ, —мычать,—грибовъ надобеть.

Но, пока онѣ такъ изъяснялись на счетъ гнилого
пня, корова, не будь дура, застрахованный-то грибокъ и съѣла.
Говорить:

— Заштраховался, да не крѣпко.

Съѣла, и пошла.

Ну, и ничего ей такъ и не было.



ХАРЯ И КУЛАКЪ.

Сидѣла въ избѣ харя и глядѣла на улицу. Сидить, глядѣть,—мухи дохнуть, молоко киснуть.

Шель мимо кулакъ. Понравилась ему харя. Онъ и говоритъ:

— Харя, а харя, иди за меня замужъ.

А харя ему отвѣчаетъ:

— Пошла бы я за тебя замужъ, а только вы, мужчины, коварные измѣнщики. Промѣняешь ты меня на прекрасную Алену, а я буду самая несчастная.

Кулакъ отвѣчаетъ:

— Не боюсь я эту Алену сокрушу, ты мнѣ только дай ея адресъ.

Харя очень обрадовалась, заставила кулака побожиться, что онъ не обманетъ, и дала ему Аленинъ адресъ. Пошелъ кулакъ къ Аленѣ прекрасной, нашель Алену прекрасную по адресу, и своимъ глазамъ не вѣрить. Спрашиваетъ:

-- Ты Алена прекрасная?

Алена смѣется, говоритъ:

— Я самая и есть.

Плюнулъ кулакъ, говоритъ:

— Ни кожи, ни рожи, ни видѣнья. Не хочу о тебя и руки пачкать.

Пошелъ къ харѣ. Поженился. Каждый Божій день дерутся. Все харя кулака къ Аленѣ ругуетъ.

ИДОЛЬ И ПЕРЕИДОЛЬ.

Сошлись на улицѣ двое мальдишекъ, и ну переругиваться. Сперва ругались, потомъ одинъ передъ другимъ выхваляться стали. Одинъ говорить:

— У меня мамка пьяная распьяная лежитъ на полу и послѣдними словами ругается.

А другой говорить:

— У меня и вовсе мамки нѣтъ.—я изъ банной сырости завелся.

— Эка невидаль,—говорить первый,—я своихъ боговъ продалъ, деньги пропилъ.

— Важное кушанье.—отвѣчаетъ другой,—и я боговъ продалъ, а на тѣ деньги идола купилъ.

— А я у сосѣда переидола укралъ.

— Мой идоль большой, деревянный, —я тебѣ имъ голову проломлю.

— А у меня переидоль желѣзный,—махну, ты у меня шилью разлетишься.

Привесли они идола и переидола: идоль—оглобля, переидоль—ломъ желѣзный. Стали драться. Кровь течеть, башки трещать, а они знай себѣ дерутся. Поправилось.

КУКЛЫ ДѢВОЧКИНА БРАТА.

Сидѣла дѣвочка на полу, играла въ куклы,—занималась себѣ потихоньку. Говорить брату:

— Вотъ эта кукла у меня Катенька, а эта кукла у меня Машенька. Я ихъ въ кисейныя платья наряжу, потомъ ихъ песочной кашней покормлю, а потомъ ихъ въ уголь ставить буду.

Дѣвочкину брату стало завидно. Онъ и говорить:

— Я себѣ тоже куколъ куплю, только не такихъ, какъ у тебя, а хорошихъ, мужчинскихъ.

Живымъ духомъ слеталъ въ игрушечную лавочку, тамъ купилъ недорого двѣ куклы мужскаго пола и принесъ ихъ домой. Говорить дѣвочкѣ:

— Вотъ эта кукла у меня Поддергузинъ, а эта Велась-свистальскій. Поддергузина я министромъ сдѣлаю, а Велась-свистальскій послѣдомъ будетъ. Я ихъ на веревочкѣ таскать стану, а потомъ въ лужу посажу.

Такъ дѣвочкинъ братъ все и сдѣлалъ, какъ по писаному: навязалъ онъ Поддергузина и Веласьсвистальскаго на веревочку, и ужъ таскалъ онъ ихъ, таскалъ по всему дому, по всему двору, по всей улицѣ,—а послѣ всего того посадилъ ихъ въ самую грязную лужу. Тамъ они и остались.

Извѣстно, мальчишки не умѣютъ хорошо въ куклы играть.

ФРИЦА ИЗЪ ЗА-ГРАНИЦЫ.

Одни родители, папа съ мамой, долго сердились на своихъ мальчиковъ, Кешку да Пешку, — своевольные были Кешка да Пешка. И чего только съ ними папа и мама ни дѣлали, и по хорошему-то ихъ унимали, и по родительски, а имъ все нейдетъ. Шалить, самоинствуютъ, да и на-поди.

Вотъ одинъ умный дядя и посовѣтовалъ папѣ и мамѣ:

— Что,— говорить,— вы на нихъ смотрите, на такихъ балбесовъ! Да вы ихъ сгоните со двора, а вмѣсто нихъ выпишите изъ за-границы парочку иѣмчиковъ; тамъ,— говорить,— ребята очень хорошіе и всѣмъ комплиментамъ крѣпко научены.

Папа съ мамой обрадовались, такъ и сдѣлали: Кешку да Пешку выгнали вонъ, а на ихъ мѣсто выписали иѣмчика: на пару иѣмчиковъ денегъ жалъ было, да и думали, что и одинъ хорошій мальчикъ лучше двухъ плохихъ.

Кешка да Пешка долго плакали, прощенья просили, обѣщались не шалить, домою очень умильно просидлись, да ужъ не простили ихъ папа съ мамой:

— Нельзя,— говорятъ,— всѣ сроки вышли, и иѣмчику билеты желѣзнодорожные выправлены, такъ не пропадать же деньгамъ. Идите,— говорить,— съ Богомъ, по-добру, по-здорову.

Пошли еще Кешка да Пешка, Богу помолились, кресту поклонились, да и пошли, горемычные.

А на мѣсто ихъ прѣхаль въ скорости изъ за-границы мальчикъ Фрица, чистенькій, вѣжливенькій, сублинный. Папѣ и мамѣ книксенъ сдѣлать, ручки лизнуть, и тоненькимъ голоскомъ гуть-моргенъ проговорить, — все какъ слѣдуетъ по заграничному правилу.

Только скоро у папы и у мамы пошли съ мальчикомъ Фрицей нелады, потому что Фрицъ большая чистота требовалась, а у папы съ мамой къ чистотѣ душа не лежала, и отъ большой чистоты имъ тошно становилось.

Придетъ, бывало, Фрица и заговорить учтиво:

— Глубокоуважаемые родители, дорогой и душевно-почитаемый папочка, милая и сердечно любимая мамочка, позвольте мнѣ чистую рубашечку, ибо та, которую я ношу въ продолженіе двухъ недѣль, несмотря на все мое стараніе не начнать моей одежды, все-таки утратила свою первоначальную чистоту и нуждается въ стиркѣ.

А папа съ мамой говорятъ:

— Хорошо и въ этой рубашкѣ, подожди до бани.

Такъ и во всемъ. Попросить Фрица чистой тарелки, ему папа съ мамой говорятъ:

— Жри на грязной.

Попросить Фрица купить ему частый гребешокъ расчесывать головку, ему говорятъ:

— Своей шерсти мало, такъ чешись десятерней.

Попросить помыться раньше баннаго срока, папа съ мамой скажутъ:

— Въ грязи тебѣ.

Стать Фрица по ночамъ плакать, начать Фрица худѣть, начать Фрица отъ грязи паршеветъ, пришла къ Фрицѣ русская холера, скрутила Фрицу въ одночасье.

Схоронили папа съ мамой Фрицу, говорятъ:

— Видно, нешто дѣлать, возьмемъ Кешку да Пешку опять.

Да ужь поздно было: Кешка да Пешка поступили въ хулиганы, проткнули перочиннымъ ножикомъ брюки у самаго старшаго городского, и за то ихъ сослали въ самую далекую каторгу.

Не въ добрый часъ пришелся Фрица изъ за-границы. Да не добромъ помянули пана съ мамой и умнаго дядю.



ЛУЧИШКА ВЪ ТЕМНИЧКЪ.

Пришли лучи къ Солнцу, разбирають себѣ подорожныя.
Одинъ лучъ говорить:

— Я нынче во дворець пойду.

Другой говорить:

— Я по Невскому погуляю.

Третій говорить:

— А я по полямъ пройдуся.

Четвертый говорить:

— А я въ рѣчкѣ выкупаюсь.

Всѣ хорошія мѣста разобрали, и робѣжали было, да Солнце кричить:

— Стойте, братцы, вотъ еще есть мѣстечко, — темная темничка, гдѣ сидитъ бѣдный заключенный.

Всѣ лучи заговорили жалобно:

— Въ темной темничкѣ сыро, въ темной темничкѣ грязно, въ темной темничкѣ скверно пахнетъ, — не хотимъ идти въ темную темничку.

Поймалъ Солнце одного лучишку за волосенки, говорить:

— Ты вчера шалилъ много, въ непоказанныя мѣста заглядывать. Побывай въ темной темничкѣ хоть пять минутокъ.

Заплакалъ бѣдный лучишка, да нечего дѣлать, нельзя Солнцева приказа не исполнить. Побить пять минутокъ у бѣднаго заключеннаго въ темной темничкѣ, — кислый, злой, сморщенный. А бѣдному заключенному и то было за великій праздникъ.

СМЕРТЕРАДОСТНЫЙ ПОКОЙНИЧЕКЪ.

Быль такой смертерадостный покойничекъ,—ходить себѣ по злачиному мѣсту, зубы скалить и очень весело радуется. Другіе покойники его унимать, корить было стали, говорятъ:

— Ты бы лежалъ смирихонько, ожидая Страшнаго Суда,—лежалъ бы, о грѣхахъ сокрушаяся.

А онъ и говоритъ:

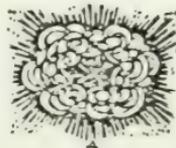
— Чего мнѣ лежать,— я ничего не боюсь.

Ему говорятъ:

— Сколь много ты нагрѣшилъ на землѣ, все это разберуть, и пошлютъ тебя въ тартарары, въ адскую преисподнюю, въ геенну огненную, на муки муческія, на вѣки вѣчные,—смола тамъ будетъ кишучая кишѣть, огонь воспылаетъ неугасимый, а демоны-то, зѣло страховитные, будутъ мукамъ нашимъ радоваться.

А смертерадостный покойничекъ знай себѣ хохочеть:

— Небожь,—говорить,—меня этимъ не испугаешь,—я—рассейскій.



СМЕРТЕНЫШІИ.

Нарожала Смерть ребятъ, наложила ихъ въ подолъ, не-сетъ, трясеть, сама спрашиваетъ:

— Кому смертеннѣйшей надо?—По пятаку пара.

А кому смертеннѣйшей надо! Никто не беретъ ихъ и да-ромъ. Говорять:

— Сама родила, сама и корми чадушекъ.

Смерть говорить людямъ:

— Чѣмъ я ихъ кормить-то стану? Они у меня не какіе-нибудь, благородные,—ихъ всячиной не накормишь.

Идетъ навстрѣчу смерти чертова отродіе, генеральское благородіе; рожа у него великопостная, однако, усы къ верху закручены, какъ у берлинскаго спотыкайзера.

Говорить ему Смерть:

— Здравствуй, чертова отродіе, генеральское благо-родіе! Не надо ли тебѣ смертеннѣйшей? Уважая тебя, уступлю дешево.

У чертова отродія, генеральскаго благородія, отъ радости селезенка скрипнула. Говорить онъ съ упованіемъ:

— Есть у меня колольщикъ и молотышковъ, бѣгун-цовъ и топунцовъ достаточно, а нехватка у меня приклю-чилась: профскаго духа мало отпущено.

Говорить ему смерть:

— И, чертова отродіе, генеральское благородіе! ты объ этомъ не кручинься. Моихъ смертеннѣйшей на это взять.—

у нихъ духу на десять Россей хватить. Какъ мой смертенншъ дышитъ,—на тысячу верстъ кругомъ смердитъ.

У чертова отродя, генеральскаго благородя, всѣ суставы возликовали. Понюхалъ онъ смертенншей съ восхищеніемъ, руки уперъ въ боки, возвелъ очи въ потолоки, посылаетъ смертенншей на далекіе востокі, говоритъ имъ напутственное слово:

— Вы, смертеннши, посиѣшайте, -- на дальніе востокі духу папускайте,—волоките наши храбрія войски въ смертныя бои,—будьте, мать вашу вспоминаючи, рассейскіе ирои.



ХВАСТИ И ВѢСТИ.

Въ одномъ лѣсу жили хвасты. Маленькіе, грязненькіе, поганенькіе, какъ лишай. На весь лѣсъ расширились, и хвастають:

— Всѣ лѣса, всѣ поляны заберемъ подь себя, и никто не посмѣетъ противиться.

А въ сосѣднемъ лѣсу жили вѣсты. Тоже маленькіе, только юркіе, какъ ищерицы. Бѣгаютъ, шныряють вездѣ, гдѣ что дѣлается, сейчасъ визнають.

И вотъ признали вѣсты, что хотять хвасты ихъ завоевать. Собрали вѣсты, не долго думая, войско, пошли на хвастей, идутъ, не зѣвають.

Встрѣтились. Хвасты встали, растопырились, привялись хвастаться:

— Мы такіе, сякіе, немазаные. Лучше насъ нѣтъ никого. Мы васъ покочотимъ, въ пѣнь заберемъ, лѣсъ вашъ отвоюемъ.

Вѣсты говорятъ:

— Ну, что стоять, давайте драться.

А хвасты отвѣчаютъ очень важно:

— Подождите, мы еще не все перехвастали. Мы, хвасты, и сами очень хороши и порядки у насъ за первый сортъ...

А тутъ вѣсты, не говоря худого слова, быстро на хвастей напали, раскочотили ихъ на славу, и говорятъ:

— Ну, хвасты, билие, кочочение, по землѣ поволоченные, полно драться, давайте мириться, платите намъ выкупъ

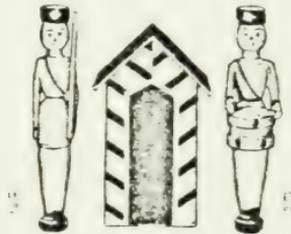
А хвасты говорятъ очень жалобно:

— Мы — хвасты, у насъ голыя ясти, платить вамъ выкупъ намъ не изъ чего.

Но только вѣсти хвастямъ не повѣрили, карманы у хвастей выворотили, большой себѣ выкупъ вытрясли.

Вернулись хвасты домой, сидятъ пригорюнились, а все-таки хвастаютъ:

— Наши войски бились по-свойски, очень героически! Боятся насъ вѣсти, не смѣютъ къ намъ въ лѣсъ лѣзти, насъ, хвастей, ясти.



РАЗДУВШАЯСЯ ЛЯГУШКА.

Это невѣрно, что она съ натури лопнула и околѣла, — она околѣла отъ сухой малой былинки. И никакого вола тутъ не было, — воду въ болотѣ нечего дѣлать, а это лягушка своимъ умомъ дошла до того, чтобы надуваться.

И она надувалась помаленьку: одинъ день на вершокъ надуется, другой день на четверть, а то и отдохнетъ день-два. И все надувалась, надувалась, надувалась, и стала, наконецъ, такая большая, что ни одному великану ее бы не обхватить. И всѣ ея очень боялись. Какъ она квакнетъ, такъ у самаго храбраго журавля поджилки затрясутся.

Ну, она этимъ, конечно, пользовалась, и требовала, чтобы ее слушались.

А только, когда она такъ надулась, такъ кожа у нея стала тоненькая, а кишка очень жидкая. Пока она сидѣла или прыгала на гладкомъ мѣстѣ, такъ все ничего было. А разъ она прыгала, а у нея на дорогѣ сухая малая былинка стала. Лягушка не смотритъ, куда прыгаетъ, думаетъ — важная. А сухая малая былинка ей въ брѣхѣ кожу и проткнула. Сейчасъ началъ изъ лягушки духъ со свистомъ выходить. На всю округу было слышно „с-с-с-и-и“ — духъ изъ лягушки выходить. Какъ духъ вышелъ, ужъ больше лягушка не могла жить, околѣла, и всѣ увидѣли, что она — маленькая.

Вотъ какъ дѣло было по-настоящему. А вола онъ ни къ чему ни къ городу пришелъ.

А, можетъ быть, это онъ про другую лягушку рассказываетъ.

ОЗОРНИКЪ.

Жилъ мальчикъ Озорникъ. Онъ все колотилъ своихъ братишекъ. И некому было за нихъ заступиться,—хоть и не жалуйся, все равно, ничего не будетъ.

Папа говорилъ:

— Онъ васъ колотилъ, а вы что дѣлали? Плакали? Кричали? Да какъ вы смѣли нарушать тишину и порядокъ? Вотъ я васъ!

Мама говорила:

— У меня по хозяйству дѣла много,—не до васъ.

Дядя военный говорилъ:

— Субординацію помни! Руки по швамъ! Смирно! Натѣво кругомъ! Шагомъ маршъ!

Дѣдушка говорилъ:

— Самъ будь хорошій, никто тебя не трочеть. Ты не смотри, что онъ дерется, ты о себѣ позаботься, какъ тебѣ лучше быть. Онъ на тебя съ кулаками, а ты ему ласковое слово.

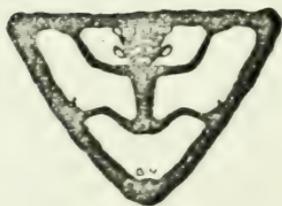
И много еще чего дѣдушка говорилъ, —ему бы только начать. Озорниковы братишки ужъ и не слушаютъ, а онъ все свои сказки сказываетъ.

Понель разъ Озорникъ на улицу, сталъ задраться съ сосѣдскими мальчишками. Одолѣли Озорника сосѣдскіе мальчишки, нарядли ему очень достаточно. Идетъ Озорникъ домой, воесть, а братишки изъ окошка смотреть, говорить:

— Ну, теперь онъ помирнѣе будетъ.

Да не тутъ-то было. Озорникъ ихъ вдвое сильнѣе прибить. Говорить имъ:

— Вы за одно съ сосѣдскими мальчишками, — теперь вамъ отъ меня житья не будетъ.



КАРАЧКИ И ОБОРМОТЬ.

Не за вашу память то дѣло случилось, не въ нашей землѣ оно сталося. При царѣ Горохѣ, у чорга на куличкахъ, жили были карачки, ходили на четверенькахъ, носомъ землю нюхали, хвостомъ въ небо тыкали, и очень собою были довольны.

Забреть къ нимъ, нивѣсть откуда, Обормоть. Голову держитъ кверху, прямо передъ собою весело пошвыстываетъ, на обѣ стороны бойко поплевываетъ. Не поправилось такое поведеніе карачкамъ.—говорять Обормоту:

— Какъ ты смѣешь на заднія ланы становиться, головой въ небо выдѣбать? Мы тебя за это засудимъ.

Повели его всеѣмъ народомъ къ судѣ неправильному.

— Судья, говорятъ, — неправильный, суди ты этого Обормота: онъ головой фырдыбачитъ, противъ нашего карачьяго закона весело идетъ, на карачьи наши спины бойко поплевываетъ.

Ну, судья неправильный со всею своею перемудростью тотчасъ же порѣшили: отгибать Обормоту голову.

Повели карачки Обормота на добное мѣсто. Идетъ Обормоть, кается, горючими слезами умывается, а между прочимъ думаетъ:

„Какъ-то вы, карачье безмозглое, до моей головы доберетесь?“

И вотъ на самомъ интересномъ мѣстѣ вышла у кара-

чекъ заминка: надо Обормоту голову рубить, да Обормоть на четвереньки не становится, а карачкамъ, на четверенькахъ стоячи, до его головы не добраться. И противъ своего закона поступить и на ноги взыдаться имъ тоже никакъ невозможно. Повикали, повикали промежь собой карачки, да и погнали Обормота изъ своей страны далеча.

— Иди себѣ,—говорять,—съ Богомъ по морозцу. мы,—говорять,—народъ очень добрый.



ЛИШНІЯ ВЕРЕВОЧКИ.

У одного мальчика мама была строгая, и папа былъ строгій. Какъ папа или мама увидятъ своего мальчика, такъ сейчасъ и закричатъ на него:

— Не шали! Какъ ты смѣешь шалить, скверный мальчишка! Тишину и порядокъ нарушаешь.

Ну, а мальчикъ, извѣстно, ребячьимъ дѣломъ, безъ шалостей не могъ прожить. Онъ бы и радъ не огорчать папашу и мамашу, да никакъ не могъ удержаться: вѣтъ, вѣтъ, да и нашалить.

Вотъ однажды папа съ мамой и сказали:

— Слова на тебя не дѣйствуютъ, такъ мы перейдемъ къ дѣлу. Мы тебя скрутимъ.—ты у насъ позабудешь, какъ шалить.

Хорошо, сказано, сдѣлано. Связали мальчику руки веревочкой такъ, чтобы добрыя слова писать онъ могъ, а на дерзкія слова чтобы у него не было размаха: поюски для папашы съ мамашей носить можно, а въ барабанъ бить нельзя. Связали ему ноги, ходить тихонько можно, а укъ бѣжать, — вѣтъ, братъ, шалишь, не побѣжишь. На лицо надѣли хорошенкій намордничекъ, манную кашу кушать можно, а кусаться и думать не можъ. Къ сивнѣ привязали палку, чтобы мальчикъ прямо держался, по формѣ. Ну, такъ скрутили мальчика, что просто бѣда. Не можетъ мальчикъ и шага лишняго сдѣлать. И сталъ мальчикъ скром-

вый, какъ хотѣлось папѣ и мамѣ. И сталъ мальчикъ скучный, все плакалъ потихоньку. А папа съ мамой говорили:

— Плачь, плачь, — видишь, какъ вехорошо шалить. Мы тебѣ раньше довѣряли, а теперь ты ужъ потерялъ право на довѣріе. — самъ на себя пеняй.

Бродитъ тихонечко мальчикъ, а сосѣдскіе ребята надъ нимъ смѣются. А у мальчика папа и мама были строгіе, по глупше. Они сначала радовались, что сосѣди надъ мальчикомъ смѣются. И сами мальчика стыдили.

Только одинъ разъ, когда они спали, кто-то разбилъ имъ стекло въ окнѣ. Бросили съ улицы камень, а на камнѣ бумажка привязана, а на бумажкѣ написано очень крупными буквами: „Это вамъ за то, что вашего мальчика обижаютъ“.

Папа съ мамой прочитали бумажку по складамъ, широко разсердились, своего мальчика наказали, городовому пожаловались. — только городской ничего не могъ сдѣлать. Окрутили папа и мама мальчика еще новыми веревочками. — даже и тамъ второй разъ связали, гдѣ уже и раньше было связано, и легли спать, — сами поѣли, а мальчикъ безъ ужина, по привязанной къ своей кроваткѣ для спокойствія и безопасности и чтобы на стѣну не полѣзъ.

Только имъ въ эту ночь и второе стекло камнемъ высадили, и на камнѣ опять бумажка была, а на бумажкѣ написано: „И веѣ стекла высадимъ, если мальчика обижать станете“.

Тогда папа съ мамой испугали, пошли ко всеѣмъ сосѣдямъ, и вездѣ объявили:

— Мы съ нашего мальчика излишнія веревки снимаемъ.

Сняли съ мальчика половину веревочекъ, — тѣ, что лишнія были навязаны, — и легли спать спокойно, — колпаки надели, и спать, думаютъ. — никто ихъ не тронетъ.

ПАЛОЧКА-ПОГОНЯЛОЧКА И ШАПОЧКА-МНОГОДУ- МОЧКА.

Одному хорошему мальчику тетя подарила палочку-погонялочку.

— Съ этою, — говорить, — палочкой ты далеко уйдешь, въ люди выйдешь. Только не лѣнись. Какъ тебѣ что понадобится сдѣлать, такъ ты сейчасъ палочку-погонялочку скричи: палочка-погонялочка, прибавь мнѣ ума-разума.

Вотъ съ тѣхъ поръ, что ни понадобится хорошему мальчику, зададутъ ли ему трудный урокъ, пошлютъ ли его куда, что кунить или принести, — сейчасъ онъ и кричить:

— Палочка-погонялочка, прибавь мнѣ ума-разума.

И палочка-погонялочка тутъ какъ тутъ, начнетъ хорошаго мальчика подгонять, такъ что у него откуда ноги берутся, — бѣжить, земля дрожитъ, пятки сверкаютъ. А коли урокъ учить надо, такъ опять у палочки-погонялочки своя и на это сноровка: чуть хорошій мальчикъ зѣвнетъ или потянется, сейчасъ она его охаживать примется, мигомъ лѣнь, какъ рукой, сниметь.

И сталъ хорошій мальчикъ на диво послушный да прилежный. Папа и мама, дяди и тети, дѣдушки и бабушки имъ не нахвалятся. И самому хорошему мальчику сначала такая сноровка правилась: известно, дитя малое, неразумное: ему палочка-погонялочка спину бьетъ, а онъ себѣ смѣется и очень весело заливается, хохочетъ. Забавно глупишу, а кожа молодая, да и своя, некупленная.

Только вот видит онъ, что кожа то у него вся въ синякахъ. Пойдетъ ли купаться,—сосѣдскіе ребята смѣются.

— Опять,—говорятъ — тебя твоя палочка-погонялочка исполосовала.

— За то,—говоритъ хорошій мальчикъ,—я всякій урокъ выучить могу, и всякую посылку снесу безъ всякаго сомнѣнія.

И опять ребята смѣются:

— Уроки,—говорятъ,—ты учишь, а какую тебѣ за это награду дають?

— Книжку съ картинками, да въ красномъ переплетѣ, да съ золотыми буквами,—говоритъ хорошій мальчикъ.

А ребята ему отвѣчаютъ, и такъ убѣдительно:

— Такія те книжки и у насъ есть, да только тебѣ книжку дають съ поддѣлкой: середка у нее вся выдрана—самое замѣчательное мѣсто мыши съѣли.

Посмотрѣлъ, посравнилъ хорошій мальчикъ, видитъ: и впрямь у ребятъ книжки настоящія, въ полномъ составѣ, а у него— вмѣсто книжки мышиный огрызокъ. И стало хорошему мальчику досадно.

Ну, думаетъ, побѣгу въ чужіе края, узнаю тамъ, какъ бы мнѣ безъ палочки-погонялочка да еще того лучше прожить.

Побѣжалъ хорошій мальчикъ за море далеко, палочка-погонялочка его гонитъ поколачиваетъ. Бѣжитъ хорошій мальчикъ, плачетъ. Добѣжалъ до избушки на курьихъ ножкахъ. Вышла оттуда Баба-Яга, костяная нога, спина глиняная. Сирашиваетъ:

— Хорошій мальчикъ, куда путь дороженьку держишь? зачѣмъ такъ проворно посѣщаешь?

Обсказалъ ей мальчикъ все свое дѣло. Баба-Яга ему и говорить:

— А ты, дурачекъ, палочку-погонялочку слемай, а надѣнь на себя вотъ эту шапочку-многодумочку.

И дала ему баба Яга шапочку-многодумочку, и какъ

только надѣлъ ее на себя хорошей мальчикъ, такъ зародовался и сказать:

— Шапочка-многодумочка лучше палочки-погонялочки.

И сломать палочку-погонялочку.

Вернулся хорошей мальчикъ домой, сталъ жить поживать по хорошему, неколоченый. А какъ надо ему что трудное сдѣлать, сейчасъ онъ шапочку-многодумочку надѣнетъ, и всѣ свои дѣла очень хорошо разсудить.

Люди добрые! сломайте ка палочку-погонялочку, надѣвайте шапочку-многодумочку.



ЧЕРЕМУХА И ВОЮЧКА.

Росла черемуха, цвѣла и пахла. Шла мимо вонючка, носомъ покрутила, спрашиваетъ:

— Ты чего это, черемуха, пахнешь?

А черемуха ей отвѣчаетъ:

— Цвѣту, оттого и пахну.

Говорить вонючка очень сердито:

— Это мнѣ советамъ не правится, и очень даже смѣшно. Ужъ я ли не барыня, да и то воняю, а ты, простая черемуха, пахнуть вздумала.

— Такое ужъ мое сиротское дѣло, — говоритъ ей черемуха, — пахну да и пахну. Богу во славу, людямъ во утѣшеніе, а ты, барыня, ступай своею дорогою, воняй, сколько хочешь.

Вонючка расшалилась гнѣвомъ, визжить порослячьимъ голосомъ:

— Не смѣй пахнуть, мужичка! Слушайся моего барскаго приказа!

Черемуха ей резоны представляет со всею политикою:

— Не могу я не пахнуть, сударыня-барыня, ужъ такое дадено мнѣ свыше опредѣленіе, — хоть тресни, да пахни, крещеный людъ весели. А ты, сударыня-барыня, вонючее благородіе, иди себѣ подальше, коли тебѣ мой сиротскій духъ не правится.

— А вотъ и не пойду, кричить вонючка, — не могу

позволить такихъ не порядковъ, буду стоять близко около, перевожаю тебя, окаянную черемуху.

Стоить подь черемухой да вопяеть, что ты съ нею подѣлаешь!

Спасибо, шли мимо добрые люди. Сперва-то, не разобравъ того дѣла, черемуху обхаяли:

— Фу,—говорять,—какая черемуха противная: чѣмъ бы ей пахнуть по хорошему, а она вопяеть по аваемски!

А потомъ, какъ увидѣли, въ чемъ тутъ причина, взяли зашибли вонючку толстой палкою, зацѣпили вонючку на желѣзный крюкъ, сволокли ее на помойную яму. Такъ вонючка и кончилась.



Ж И В У Л Я.

Въ одномъ хорошемъ городѣ жила старая Живуля. И какъ давно жила она на бѣдомъ свѣтѣ, никто въ томъ хорошемъ городѣ не помнитъ, и даже паспортистъ въ участкѣ отъ Живули отступился.

— Не знаю,—говоритъ,—какую цифру тебѣ ставить, и сколько много тебѣ есть возрасту.

Родители у Живули, Карга океанная да Кошей безсмертный, давно померли: братья и сестры Живулины, и всѣ сверстники и сверстницы, Хричи да Хричовки, Яги да Кикиморы, примерли; дѣти и внуки, нечисть и нежить поганая, перемерли,— а Живуля живетъ себѣ. По хорошему городу ходить, бродить, шамаеть, по липовымъ мосткамъ клюкой ломаной постукиваетъ, на хорошихъ людей мутными очами поглядываетъ, изъ поганого рта гнилая слюна пускаетъ, и неподобныя словеса выговариваетъ. Одеженка у Живули рваная; грязная, шибко молью трачена. Пахнетъ отъ Живули гораздо крѣпко, русскимъ духомъ несетъ.

Ну вотъ, случилось разъ, у базарной площади, на юру, на розгати, повстрѣчался съ Живудею Удадь-добрый-молодецъ. Кафтацъ на немъ—синь бархатъ, сорочка на немъ—красень шелкъ, порты на немъ—зелень атласъ, сапоги на немъ—желть сафьянъ да съ разводами. На головѣ у него—шапочка поярковая, а на шапочкѣ съ одной стороны павлиное перье поватыкано отъ самой Жарь-Штицы, съ другою

стороны горить, переливается камень все самоцвѣтное: алы-даль, бѣлы алмазь, зелень изумрудъ. Самъ шибко на веселѣ, идетъ, посвистываетъ, ажъ листь съ древа сыплется.

Увидаль Живулю Удадь-добрый-молодецъ, и Живуля ему не понравилась.—туть овъ кисло поморщился, впередъ себя на тридцать сажень черезъ тынь да рябину богатырски сплювуть, говорить Живулѣ такія ласковыя слова:

— Старая Живуля, никому тебя не надо, а глядѣть на тебя тошно. Легла бы ты, старая Живуля, въ новый тесовый гробъ, покрылась бы ты, старая Живуля, сосновой доской, спесли бы мы тебя, старую Живулю, изъ хорошаго города вонъ, опустили бы тебя въ глубокую могилу, засыпали бы тебя сырою землею, сталь бы въ хорошемъ городѣ легкій духъ.

Махнула Живуля ломаной клюкою, сказала Живуля ерѣткое слово, а послѣ того отвѣчаетъ Удаду-добру-молодцу въжливенько, сама тихо покрываетъ:

— Удадь-добрый-молодецъ, нельзя мнѣ такія дѣла дѣлать,—на мнѣ большой зарокъ положень. Какъ есть я Живуля, то и надо мнѣ жить, а помереть мнѣ никакъ невозможно, и такихъ дѣловъ за мной никогда не было. А впрочемъ, коли очень хочешь, пойдемъ со мной вмѣстѣ, и я тебѣ въ томъ не помѣха.

На тѣ слова Удадь-добрый-молодецъ шибко сердился, говорилъ Живулѣ съ большою отвагою:

— Глухая Живуля, я тебѣ башку пополамъ раскокаю.

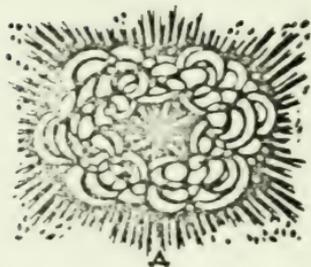
А Живуля несколько не испугалась, и говорить очень даже весело:

— Кокай, Удадь-добрый-молодецъ, въ полное свое удовольствие, башки мнѣ не надо, а духа изъ меня тебѣ не вышибить.—мало кашы ѣлъ и въ Саксонии не былъ.

Разъярился, разгнѣвался Удадь-добрый-молодецъ, выдернулъ изъ тына здоровый колъ, ударилъ Живулю по головѣ, разбилъ Живулину голову на-двое.

А Живулѣ хоть бы что, — домавой кляккой подтирается, по базару пробирается, голова у Живули на-право и на-лѣво раскрылася, всё мозги по вѣтру болтаются, а духъ отъ Живули пошелъ много крѣиче прежняго.

Такъ и живетъ Живуля, хорошій городъ поганить, легкой воздухъ тяжелымъ духомъ портить.



НЕТОПЛЕННЫЯ ПЕЧИ.

Въ одномъ домѣ были холодныя печи. Ихъ не топили, потому что боялись пожара. Хозяйка была скуная. Она говорила:

— Стѣнки есть, потолокъ да крышка есть, полъ есть, двери войлокомъ околочены, въ окна зимнія рамы вставлены, щели въ нихъ забиты паклей, замазаны замазкой и покрашены краской. Холоднаго воздуха не дуетъ, паружной вѣтриночки не вѣетъ. Чего же вамъ больше?

Хозяйкины дѣти, глушиши малые, ее просили:

— Ты бы намъ, мама, въ дѣтской хоть когда-когда печку вытопила, а то ужь больно зябко: зубъ на зубъ не попадаетъ.

А скуная хозяйка имъ отвѣчаетъ весьма равнодушно и съ такою ласковою усмѣшкой:

И, полно, глушенькіе, какая вамъ печка? Ваше дѣло молодое.—стернитесь. Вы воздушку не шевелите, вѣтру не дѣлаете, сидите себѣ смиренхонько да скромхонько, другъ къ другу покрѣпче прижмитесь, другъ о другу грѣйтесь, вотъ зиму то и перетерните. А тамъ, можетъ быть, и весна придетъ, такъ я васъ на травку вынущу. А дрова то въ печьъ жечь, зря денежки въ трубу выпускать, дымомъ воронамъ носы коптить вѣтъ, милая, этого у меня въ домѣ, пока я жива, не будетъ. и вы эти несбыточныя мечтанія оставьте.

Сама лисью шубу на себя накрутила, ковровыхъ платковъ на голову наслоила, ноги въ теплыя чулки да въ мѣховыя сапоги обула,—ходить да на дѣтокъ покрикиваетъ.

— Мнѣ,—говорить,—очень даже тепло.

Ну, а ребятишки, извѣстно, дѣтскимъ дѣломъ одѣты тоненько да легонько. Да и пуговки у нихъ многія поотрывались, да и профѣшекъ не мало понаконилось. Дрожать отъ стужи, зубами шелкають, иной разъ и всплачуть.

Только одинъ разъ старшій мальчикъ придумалъ такое дѣло:

— Что,—говорить,—намъ стѣнуть. Этакъ вся у насъ душа вымерзнетъ. Весна придетъ, а отъ насъ одни трупики останутся. Поломаемъ-ка мы столы да стулья, положимъ ихъ въ печку, погрѣмся.

— Мама забранится, — сказали дѣвочки. — Какъ бы не поколотила.

Но ужъ такъ завябли ребятишки, что долго думать не стали.— всѣ свои столы и стулья поломали, и въ печь положили. Печку томятъ, огонь весело горитъ, ребята отъ радости смѣются, и промежъ себя говорятъ:

— Позовемъ и маму погрѣться.



Г У Л И.

Жили Гули, лили пули, ъли дули. Сами ъли, и сосѣдовъ потчевали. Очень имъ весело было.

Только ужъ такъ онѣ много пуль слили и дуль съѣли, что земля не стерпѣла, трагическаго начала. Пришелъ къ Гулямъ Карацунъ, взялъ ихъ на цугундеръ, снесъ ихъ къ чертовой бабушкѣ.

Чертובה бабушка посадила ихъ на лавочку, угостила ихъ кашею изъ горючей смолы съ адской сѣрою. Смолиную кашу съѣли Гули, да и ножки протянули, очи закатили, сами застыли.

Повернула ихъ чертова бабушка въ чертовы куклы, отдала ихъ играть адовымъ голоштанннмъ ребятамъ.

Ну, а тѣ, — извѣстно, чертенята озорные, — первымъ дѣломъ гулямъ головы поотривали.

Такъ-то кончилисъ Гули.



БѢЛЫЕ. СѢРЫЕ. ЧЕРНЫЕ И КРАСНЫЕ.

Въ одномъ большомъ домѣ жилъ мальчикъ Кисенька. Папа и мама у него баловники были, на своего Кисеньку надкшаться не могли,—и сталъ Кисенька капризнымъ мальчишкой. Все хотеть сдѣлать по своему. А такъ какъ онъ еще былъ малъ и глупъ, то и выходило все у него нехорошо. И все-то онъ капризничаетъ, все-то буинитъ, на маму ножкой топаетъ, стекла бьетъ, сестренокъ и братишекъ колотитъ, а то съ сосѣдками мальчишками въ драку увязется. Приходить въ синякахъ, реветъ, жалуется, а самъ не унимается.

И ужъ такой озорной сталъ мальчишка, — у сосѣдей стекла побьетъ, нантъ съ мамой платить приходится, а ему хоть бы что.

Вотъ и собрался за пещкой Домашніе,—нежити малюсенькіе: они вмѣстѣ съ людьми всегда обитаютъ, только люди ихъ не всё примѣчаютъ. Не всякому тоже даво эти дѣла понимать.

Собрался маленькіе Домашніе, сидятъ, толкують, шепчутся своими шестистыми голосочками, паутинными ручками помахииваютъ, незримыми головками потряхиваютъ:

— Надо Кисеньку образумить, а то вырастетъ Кисенька большой шельмой, со глуда ума натворитъ бѣдovýchъ дѣлъ, срамить на весь свѣтъ нашъ честной домъ.

Пошенташелда и порѣшили. — послать бѣдныхъ Кисеньку

образумливать. Пошли къ Кисынькѣ бѣлые. Чистенькіе, веселенькіе, живыми водицами умытые, бѣлыми тафтицами прикрытые, кудри свѣтлыя развѣваются, губы алны улыбаются. Стали Кисыньку утешивать ласково:

— Милый Кисынька, будь умникомъ, веди себя хорошо, папѣ мамѣ не дерзи, малыхъ дѣточекъ не обижай, о себѣ много не думай. Мы тебѣ, голубчикъ, невиданныхъ игрушекъ надаримъ, коли ты панькой будешь.

А Кисынька закричалъ:

— Убирайтесь, куклы тараканы! Со всякой метюзгой не стану разговаривать.

А самъ маминую кошечку на хвостъ наступилъ.

Ушли отъ него бѣлые, пришли сѣрые. Все словно пылью покрытые, сами кислые да сердитые. Говорить Кисынькѣ скучныя слова:

— Стыдно, Кисынька, капризничать да шалберничать. Людей бы ты постыдился, Бога бы ты побоялся. Папа съ мамой терпятъ, терпятъ, да и за пруть возмутся.

А онъ имъ кричить:

Пошли къ чорту, не мѣшайте!

А самъ бабушкину собачку за окошко вышвырнулъ.

Ушли отъ него сѣрые. Пришли черные. Все, какъ араны, черные, а глаза угольками горятъ. Кричатъ Кисынькѣ:

Не смѣй шалить, а то будетъ худо!

А Кисынька имъ отвѣчаетъ:

— Вотъ нашалюсь, тогда и перестану.

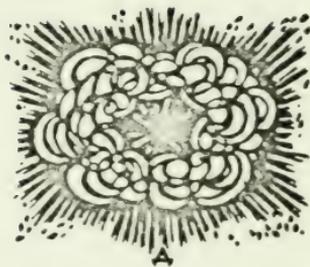
Сабелькой помахиваетъ, лампадку опрокинулъ, деревяннымъ масломъ мамино любимое кресло измазать. Потомъ на полъ сѣлъ, сталъ спички чиркать и на коверъ бросать.

Тутъ черные ушли, пришли красные. Какъ съ цѣпи сорвались, кричатъ, визжать, бѣснуются. Зажженная Кисынь-

книги спички подхватываютъ, къ занавѣскамъ на окнахъ ихъ приставляютъ.

Начался тутъ пожаръ, весь домъ сгорѣлъ, и уже послѣ пожара вытащили Киселькины обгорѣлыя косточки.

Плакали папа съ мамой, да поздно.



ТЕЛЯТА И ВОЛКЪ.

Въ одно стадо повадился волкъ, — телятокъ и козлятокъ таскать. И онъ ихъ таскаетъ и таскаетъ, зубами рветъ, когтями рѣжетъ, въ лѣсъ волочить, своихъ волчатъ телятиною да козлятиною кормить. И былъ онъ такой большой и былъ онъ такой злой, и былъ онъ такой сѣрый.

Ну, известное дѣло, завели собакъ злыхъ-презлыхъ. Собаки кругъ стада рыщутъ, по ночамъ лають, добрымъ телятамъ спать мѣшаютъ, а только волкъ ихъ ничуть не боится. И таскаетъ онъ себѣ телятъ и козлятъ, и таскаетъ. Большой, злой, сѣрый.

Вотъ одинъ разъ жевала корова свою жвачку, своимъ коровьимъ хвостомъ помахивала, тупыми глазами на траву поглядывала, и ни о чемъ не думала. И вдругъ она слышитъ, — говорить ей коровий сынъ, молодой ласковый теленокъ:

Мы, молодые телятки да козлятки, всякую надежду на собакъ нашихъ потеряли. Не справится имъ съ нашимъ дикимъ злодѣемъ, съ сѣрымъ волкомъ, — только понуству онъ лають, нашихъ сосунковъ по ночамъ зря путаютъ. А слышали мы, проходила вчера мимо стада заморский нѣмецъ, сказалъ онъ такое хитрое слово: „Въ снѣдѣнн сивас. Вотъ и сговорились мы, удаче добрые телята и козята, — соберемся мы все вмѣстѣ, поведемъ мы въ лѣсъ прямо къ вол-

чьему договищу, злого сѣраго волка задавимъ, злую волчиху его погубимъ, да и волчатъ его не пожатѣмъ.

Корова коровымъ своимъ хвостомъ помахала, жвачку пожевала, на сына поглядѣла довольно тупо, и промолвила ему такое коровье тихое слово:

— Даѣ Богъ нашему теляти волка поймати. А только я такъ повимаю, что изъ этого ничега путнаго не выйдетъ. Сами вы лѣзете господину волку въ лапы, всѣхъ васъ господинъ волкъ перерѣжетъ за милую душу. Вспомнить бы вамъ старую прибаутку: „Ерема, Ерема, сидѣль бы ты дома, точиль бы свои веретена“.

Но не послушался ее коровій сынъ, молодой удалой теленокъ, да и хорошо сдѣлалъ. Собрались изъ того стада всѣ телята и всѣ козлята, пошли они въ лѣсъ къ сѣрому волку, окружили его нечистое договище, забили копытами все волчье семейство.

А потомъ и собакъ прогнали, чтобъ онѣ по ночамъ не лаяли, сосунковъ бы не пугали.



БОГОВО ЛОГОВО.

Въ одной странѣ люди жили язычники. У нихъ было много боговъ. Всѣ боги сидѣли на одной высокой горѣ и смотрѣли за людьми. Каждый богъ смотрѣлъ по своей части. Ну, вотъ, одинъ богъ за тѣмъ смотрѣлъ, чтобы у солдатъ были каски хорошенъко отчищены, такъ, чтобы блестяли. Другой смотрѣлъ, чтобы корабли стояли, гдѣ имъ полагается. Еще одинъ смотрѣлъ, чтобы начальники воришекъ построже наказывали. Еще одинъ смотрѣлъ, чтобы на улицахъ были тишина и порядокъ, и чтобы люди въ пьяномъ видѣ не дебоширили и противъ начальства не шебаршили. Ну, и по другимъ частямъ были свои боги. Вотъ они все сидѣли и смотрѣли, и какъ что не по нимъ, сейчасъ громъ и молнія, — разность виноватому.

Вотъ люди язычники и говорятъ промежь себя:

— Воскуримъ-ка имъ фиміаму, — они хоть и боги, а все-таки имъ тоже, поди, лестно фиміаму понюхать.

И сейчасъ, какъ сказали, такъ и сдѣлали съ очень большимъ усердіемъ: сложили многое множество каменныхъ алтарей, навалили на нихъ большіе костры дровъ, фиміамомъ сверху полили и все это зажгли сразу. Пламя полыхаетъ чуть не до неба, дымъ еще выше идетъ, и прямо къ богамъ. А люди язычники стараются: и они къ кострамъ день и ночь ходятъ, и они дровъ подваливаютъ, и они фиміаму подливаютъ.

На горѣ, гдѣ боги сидѣли, очень сладко запахло. Всю ту землю отъ боговъ дымнымъ облакомъ заволокло, и всю гору пахучимъ дымомъ закоптило.—а богамъ очень это понравилось. Сидятъ, отъ удовольствія жмурятся, лики у нихъ очень веселые и даже блаженныя,—сидятъ, шюхаютъ, и чихаютъ. И такъ они въ дыму-то этомъ угрѣлись и начихались, что все сидятъ и дремлютъ, и ничего на землѣ не видятъ, да и смотреть не хотятъ.

Все бы это было ничего себѣ, хорошо, да вотъ разъ пришелъ въ ту землю очень большой человѣкъ. И такой онъ былъ несоразмѣрный большой, что какъ ни ступить, такъ или домъ повалить, или человѣка-язычника раздавить.

Вотъ идетъ большой человѣкъ и видитъ: стоитъ гора довольно высокая, вокругъ нея внизу крохотные огонечки поблескиваютъ, вся она дымомъ заволочена, и очень хорошо пахнетъ. Поправилось это большому человѣку.

„Дай“.— думаетъ.—„сяду, посижу, отдохну“.

Сѣлъ на гору, сидитъ, трубку покуриваетъ, ногами побалтываетъ, кругомъ весело поглядываетъ,—и совсѣмъ ему ни къ чему, что такое подъ нимъ дѣлается. И не знаетъ того, какихъ онъ дѣлъ надѣлалъ.

Такъ это онъ аккуратно усѣлся на самое богово логово, что всѣхъ боговъ разомъ задавилъ, совсѣмъ начисто. Только отъ боговъ мокренько осталось, и сокъ внизъ по горѣ потекъ.

Посидѣлъ большой человѣкъ, и пошелъ дальше, куда ему надо было. А мальчишки-язычники, подъ горой бѣгаючи, на боговы потоки набѣжали, видятъ: текутъ ручьи бѣлые, пахнетъ хоть и сладко, да погано. Сейчасъ живымъ духомъ слетали домой, сказали большимъ язычникамъ.

Какъ ужъ тамъ дальше было, какъ въ этихъ дѣлахъ люди-язычники сообразились, точно не знаю. А только они узнали, что это боговы соки съ горы потоками текутъ: не то имъ это Сивилла ихняя разгадала, не то колдунъ кудес-

никъ, или они по наукамъ дошли, но только все дѣло обнаружилось. Сначала имъ конфузно было,—старики пошебаршили малость:

-- Какъ такъ,— говорятъ,— по какому праву? Да гдѣ это показано—боговъ даять? За это такъ можно отвѣтить...

Но только видятъ, грома-молніи нѣтъ, и все происходитъ очень обыкновенно. Раскидали тогда они алтари, фиміамаи своимъ дѣвкамъ гуляющимъ отдали, а сами больше не захотѣли въ язычникахъ оставаться.—всѣ въ русскую вѣру перешли и въ Сафать-рѣкѣ очень дружно окрестились.



ЧЕРНОЕ СЛОВО.

Въ нѣкоторую благочестивую страну пришелъ неистовый человекъ: въ чернаго вѣрить, черное носить, черное слово гораздо дерзко сказываетъ, и утверждаетъ.

Собрались благочестивые люди на совѣтъ, стали думать, какъ имъ ту бѣду избыть, отъ неистоваго человекъ избавиться. Говорятъ:

— Мы его въ тюрьму посадимъ.

А потомъ говорятъ:

— Мы его въ тюрьму посадимъ, а онъ, неистовый, черное слово скажетъ, тюремныя стѣны чернымъ словомъ ружить, изъ тюрьмы на волю выйдетъ, и утвердитъ крѣпче прежняго.

И такъ говорятъ:

— Мы его убьемъ, трижды анаемю проклятаго.

И опять говорятъ:

— Мы его убьемъ, а онъ, неистовый, въ покойникахъ будучи, черное слово скажетъ, изъ сырой земли возстанетъ, мертвыми стопами къ намъ пришагаетъ, и утвердитъ съ великимъ ужасомъ, и податься намъ будетъ некуда.

И этакъ говорятъ:

— Мы къ нему, анаемъ, пойдемъ съ краснымъ словомъ, улестимъ его по хорошему.

И опять говорятъ:

— Мы къ нему пойдемъ съ краснымъ словомъ по хорошему, а онъ, неистовый, нашему красному слову не повѣритъ, красное слово чернымъ словомъ херъ на херъ все-

рить, утвердить до скончанія вѣка, и будетъ намъ крышка съ задвижкой.

И еще такъ говорятъ:

— Передаться бы намъ въ его анаѳемскую вѣру.

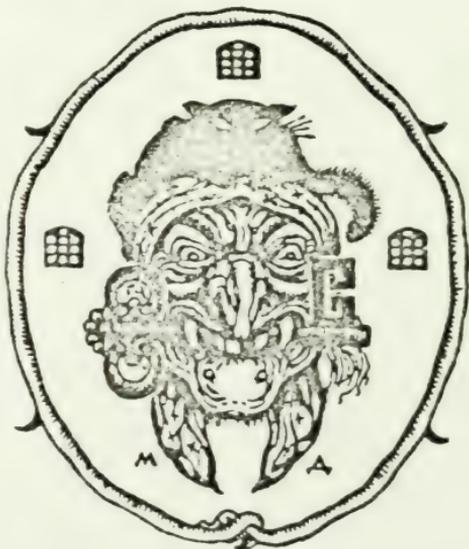
И говорятъ:

— Передаться бы намъ въ его вѣру, да онъ, неистовый, утвердить безъ милосердія, и всю великопостную музыку намъ испортить: не пустить насъ каяться, ставеть лиловый пошъ на насъ лаяться.

Не знаютъ, что дѣлать, сидятъ, толкують, сами очень скучаютъ.

Тѣмъ временемъ неистовый человѣкъ собралъ тамошнихъ ребятъ-голодранцевъ, обучилъ ихъ черному слову и веселому свисту, разогналъ съ ними благочестивое сборище, и зажить на просторѣ. Живеть, поживаетъ, добра наживаетъ, зла избываетъ, самъ крѣпко утверждаетъ, и ничуть не боится.

Айда къ нему, братцы, чего намъ бояться!



О Г Л А В Л Е Н И Е:

	стр.
Двѣ межи	5
Ракъ пятится назадъ	6
Три плевка	8
Застрахованный грибъ	9
Харя и кулакъ	11
Идолъ и переидолъ	12
Куклы дѣвочкина брата	13
Фрица изъ-за границы	14
Лучишка съ темничкѣ	17
Смертерадостный покойничекъ	18
Смертенъши	19
Хвасты и вѣсти	21
Раздувшаяся лягушка	23
Озорникъ	24
Карачки и Обормоть	26
Лишній веревочки	28
Палочка-погонялочка и шапочка-многодумочка	30
Черемуха и вонючка	33
Живуля	35
Непопеленая нечи	38
Гули	40
Бѣлые, сѣрые, черные и красные	41
Телята и волкъ	44
Богово логово	46
Черное слово	49



ЦѢНА 30 КОП.

PG
3470
T4P6
1906a

Teternikov, Fedor Kuz'mich
Politicheskija skazochki

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

